0 3 6 0

1965 г.

9

В. Авдеев

Наль

Художник Г. Балашов

Производство студии „Диафильм", 1962 г.

2

Гитлеровские войска рвались к городу. Ополченец Вячеслав Глушков пришёл из казармы домой. – „Уже обмундировали?" – встретила его мать.

На Вячеслава с рычанием кинулся Наль – свирепый пёс из породы немецких боксёров. Он был близорук и людей запоминал, главным образом, по запаху и голосу. Запах новой военной формы сбил его с толку.

– „Фу, Наль!“ – Людмила Николаевна еле успела оттащить его. – „Ошибся, псина, – сказал с упрёком Вячеслав, – на хозяина кинулся. И не стыдно?“

Вячеслав обнял мать. Наль сконфуженно тёрся у ног и вертел обрубком хвоста. Теперь он узнал хозяина.

–Я пришёл проститься, мама. Завод наш эвакуируют, и все инженеры, рабочие и служащие, которые могут носить оружие, идут защищать город. Прощай, родная. Жди с победой.

– Дай и ты лапу, Наль. Кинулся на меня, будто на чужого... Как же после войны встретишь? Совсем, поди, отвыкнешь?

– „Граждане, воздушная тревога!“ – послышался голос из репродуктора. Раздались оглушительные взрывы бомб, взметнулось пламя. – „Мне пора!“ – сказал Вячеслав.

9

Вскоре танки с чёрными крестами прорвали оборону. Вячеслав отступил с армией. Людмила Николаевна не успела выехать из города.

В квартиру Глушковых явился долговязый обер-лейтенант войск СС „Мёртвая голова“ Мориц Юрмшер. Фашист бесцеремонно осмотрел квартиру.

– „Почему закрыта дверь?“ – „Там... собака, – по-немецки ответила Людмила Николаевна. – Это мой последний друг. Не убивайте её“. – „Вы знаете мой язык? – удивился Юрмшер и приказал: – Откройте“.

Наль вскочил с коврика. Шерсть на нём встала дыбом, глаза налились кровью, страшные клыки обнажились. Он рычал на пришельца, рвался вперёд.

– Чистокровный немецкий боксёр? – спросил обер-лейтенант. – Зовут Наль? Это что, имя русского полководца? Ах, сказочного индийского царевича! Отвяжите пса!

Этого Людмила Николаевна не ожидала. – „Наль очень свирепый, – растерянно говорила она. – У него мёртвая хватка. Он же кинется, и вы начнёте стрелять...“ – Юрмшер перебил: „Отвязывайте. Я не стану его убивать“.

Людмила Николаевна с тайным злорадством освободила Наля. Ослеплённый яростью, пёс сперва не мог сдвинуться с места. – „Но-о! На-аль, На-аль!" – с повелительной лаской произнёс Юрмшер.

Как бы сбросив оцепенение, боксёр подпрыгнул, и его страшные челюсти сомкнулись. Но странно: рука чужеземца даже не дрогнула.–„Наль, – повелительно сказал немец. – Отпусти руку!“

17

Он смотрел прямо в глаза Наля. Свободной рукой достал шоколадку. – „Ну? Кому я говорю? Пусти! Ешь!“ – Пёс почувствовал, что не может дольше вынести этого взгляда, и подчинился неведомой силе.

18

Наль разжал зубы. Юрмшер уверенно погладил его. Пёс поколебался и осторожно взял шоколадку. Людмила Николаевна не верила глазам – её свирепый Наль был усмирён...

– „Это непостижимо“, – сказала она. – „О! – усмехнулся обер-лейтенант. – Собаки меня слушают. Юношей я был дрессировщиком в цирке. Потом четыре года приучал полудиких псов к сторожевой службе“.

Юрмшер занял комнату Вячеслава. – „Кто нам не подчиняется, того мы уничтожаем, – назидательно сказал он. – Скоро мы раздавим и Советскую Армию... Кстати, я беру ваш будильник, он мне пригодится“.

Город замер. Жители разбредались по деревням менять вещи на продукты. Отряды СС под предлогом борьбы с партизанами отнимали у них вещи. За сопротивление расстреливали.

Мориц Юрмшер не отставал от своих собратьев, и денщик то и дело притаскивал ему на квартиру „реквизированные“ ковры, отрезы материи, дамские туфли. Стол лейтенанта был завален едой.

23

Людмила Николаевна голодала. Выпал снег. Топить комнату ей было нечем. Зябкий, как все коротко-шёрстные, Наль дрожал и под ватной попонкой. Он отощал и скулил от голода.

Однажды Юрмшер предложил Людмиле Николаевне остатки консервов.– „Мне всё равно их выбрасывать, фрау Глушкоф... Ах, не хотите! Тогда, может, не откажется Наль?“ – Пёс с жадностью набросился на еду.

– Напрасно ругают войну, – ухмылялся Юрмшер. – Мы покорили всю Европу. Я ем консервы из Норвегии, сыр из Дании, пью русскую водку и еще фюрер платит мне золотом вассалов. Вот что значит стать сверхчеловеком!

– Мы, русские, первыми не нападаем, – сказала Людмила Николаевна. – Мы только защищаемся. Но вспомните, что сталось с ханом Мамаем? С Тевтонским орденом? С Наполеоном?

27

Вылизав банку, Наль положил лапы на грудь обер-лейтенанту и помахал обрубком хвоста: нет ли, мол, чего на закуску? Юрмшер снисходительно потрепал его за ухом.

У лейтенанта оставалось много еды. Пёс быстро поправился, окреп, у него опять появился загривок. Он скучал без Юрмшера, рвался в его комнату.

Как-то вечером Людмила Николаевна зашла к Юрмшеру. Наль грелся у печки. – „А ну домой, Наль! Разнежился! Где мой ремень?“ – Пёс вдруг оскалил клыки и угрожающе зарычал.

–Наль чувствует во мне хозяина, – самодовольно сказал Юрмшер. – Что ж, пусть живёт у меня: сторож он отличный.

Наступил декабрь. Под Москвой загремела мощная канонада, и войска Красной Армии железными граблями стали очищать родную землю от захватчиков.

Поздним вечером в город вошли три человека – советские разведчики. Один из них был Вячеслав Глушков.

Он пробрался к своему дому, обошёл кругом. Тихо. Темно. Только в окне его комнаты слабая полосочка света. Чу! Протяжный с привизгом собачий зевок. – „Наль! Значит, мать переселилась сюда! Значит – жива!“

Вячеслав достал ключ, открыл замок, вошёл в переднюю. В его комнате раздался громкий лай и яростное рычание.

Дверь распахнулась. Выскочил Юрмшер. Оба, и советский разведчик и эсесовец, оторопели и одновременно воскликнули: „Немец?" – „Партизан?"

Дуло парабеллума уставилось в грудь партизана, но выстрела не последовало. Вячеслав ударил Юрмшера под локоть и выбил оружие.

Обер-лейтенант был жилистый и выше ростом. Но Вячеслав хорошо знал бокс. Он нанёс фашисту удар в подбородок и сунул руку в карман за своим револьвером.

В переднюю ворвался Наль. Он подпрыгнул и, прокусив меховую перчатку, повис на руке Вячеслава двухпудовой гирей. – „Налик! Опять не узнал? Фу!“ – Юрмшер, закрывая разбитое лицо, кинулся в комнату.

Вячеслав перехватил револьвер в другую руку и замахнулся на Наля. Удар мог оказаться смертельным для пса, и человек заколебался.

Вдруг что-то острое, холодное вошло в спину Вячеслава. Падая, разведчик услышал вопль матери: „Сыночек! Слава!“ – Наль выпустил руку, застыл в недоумении...

Очнулся Глушков в госпитале. Кто вокруг: свои? фашисты? Речь – русская. – „Как я сюда попал?" – тихо спросил он. Медсестра ласково улыбнулась: „Привезли, когда наши войска город заняли".

Через неделю матери разрешили его навестить. – „Мама, расскажи, как же всё тогда кончилось? Как меня спасли?“ – „Я выбежала из комнаты в ту минуту, когда Юрмшер ударил тебя кинжалом.

...Вдруг послышался страшный рёв... Наль кинулся на обера. Он вцепился Юрмшеру в загривок, и они покатились по полу.

На шум прибежал сосед Веденеев... Мы спрятали труп фашиста в помойную яму.

А тебя задворками перенесли к тёте Лизе и перевязали.

Домой я вернулась, когда наши освободили город. Наль так и лежал в передней. У него было одиннадцать ран. Похоронила я его в нашем садике под берёзой...“

Конец

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор В. Миронов

Студия „Диафильм"
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-314-62
Черно-белый 0-20. Цветной 0-30